

Опач Ачио
(хореограф-импровизатор)
Кения

6.11.04

Тени незабытых предков

Кенийский импровизатор станцевал в Москве

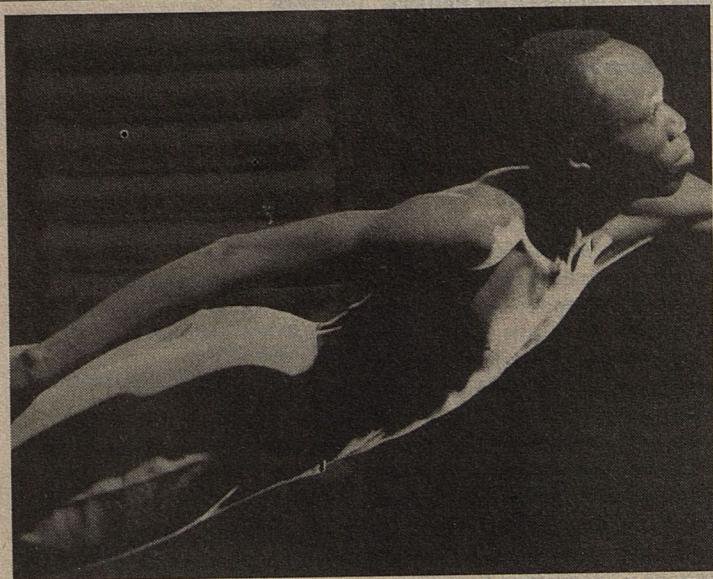
Коммерсантъ 6 - 2004 - 6 нояб. - с. 9

гастроли танец

В культурном центре «Дом» выступил кенийский хореограф-импровизатор Опач Ачио. В числе охочих до экзотики зрителей оказалась и ТАТЬЯНА КУЗНЕЦОВА.

Опач Ачио, живущий в Париже уроженец Найроби, — специалист по трансформации африканского фольклора в современный танец. На его получасовую импровизацию под названием «Dilo» собралось человек сорок молодых людей божественного вида. Программка обещала «пробуждение к жизни мира кочевых племен Восточной Африки». Пробуждение началось в темноте.

Сквозь мрак пробился тусклый луч — глазам предстала рельефная мускулатура африканских плеч и рук, согнутых в локтях. Руки затряслись, как сложенные крылья общипанного грифа. Свет погас. В следующем эпизоде кенийца можно было рассмотреть в полный рост: приподнятые ключицы, короткая шея, S-образный позвоночник, ноги, скрытые брюками песочного цвета. Господин Опач был погружен в себя, как настоящий колдун. В полной тишине он задрожал торсом. Дрожь была хороша — мелкая, мягкая, ритмически разнообразная. Фотограф „Ъ“ оживленно защелкал затвором. Импровизатор вышел из транса и попросил не мешать священнодействию. Дрожь сменялась волнами. Они тоже впечатляли. Все тело артиста шло зигзагами: колени извивались в одну сторону, плечи — в противоположную, лопатки выписывали восьмерки, бедра — конусы, ребра — синусои-

Выразительное тело Опача составляет главное эстетическое достоинство его спектакля «Dilo» ФОТО ДМИТРИЯ ЛЕБЕДЕВА

ды. В кульминационный момент автор подпрыгнул и упал навзничь.

Во второй части сменился ритм — господин Опач затоптался триолями, замотал головой, затрепетал сложенными руками-крыльями, затряс кистями, а потом сел на корточки и уставился в зал. Наверное, так — недвижно и непроницаемо — столетиями сидели его предки, складывая свою мифологию камней. Следующий эпизод обозначал борьбу человека с потусторонними силами: господин Опач корчился в муках у белой стены, в то время как его деформированная тень пыталась затащить жертву за белую колонну (следовало понимать — за грань жизни). Эта эффектная сцена (художник по свету Кристоф Барньер) сопровождалась фоног-

раммой неведомого африканского ритуала: слышались женское пение и звуки народных инструментов. Под прикрытием шума фотограф „Ъ“ мужественно произвел серию контрабандных снимков.

Финал импровизации утверждал духовную силу человека и одновременно неизбежность небытия: автор раз тридцать подпрыгнул высоко-высоко — и тут погас свет. До поклонов зрители с минуту посидели в темноте — как раз было время подумать о тщете земного и величии непостижимого. Вспомнились, кстати, и тонкие люди, работающие в Фонде Форда и агентстве театров танца ЦЕХ, ведь именно благодаря им «пробуждением мира кочевых племен Восточной Африки» озаботились и москвичи.